

ВИЛЕН КАЛЮТА:

Мне как оператору

Куклабур. - 1999. - 11.

Не стало Вилена КАЛЮТЫ, оператора, который с Юрием Ильенко снял "Белую птицу с черной отметиной", с Романом Балаяном — "Бирюка" и "Полеты во сне и наяву", с Артуром Войтецким — "Белеет парус одинокий". В творческой биографии Вилена Александровича достаточно громких названий и ярких имен: Отар Коберидзе и Вячеслав Кривошеин, Никита Михалков. Наш разговор с Виленом Калютой оказался последним.

— Вилен Александрович, слышала, что вы весьма своеобразно оцениваете место оператора в рабочем строю?

— В западном кинематографе все отработано до мелочей. У каждого своя, четко очерченная функция. Оператор — "директор фотографии", то есть автор изображения, и только. Кинопроизводство там — слаженный механизм, а не только чистое творчество. И, глядя на то, как работает этот механизм и в каком состоянии находится кинематограф, нахожу его вполне жизнеспособным.

В период работы над фильмом оператор может что-то посоветовать режиссеру в выборе актеров, построении мизансцены, поиске натур. Но совсем не обязательно, что режиссер прислушается к его словам.

Всегда кто-то один отвечает за целое. А в кино автором фильма остается режиссер. Так что к авторам фильма оператора не причисляют.

— И тем не менее связывает ли вы изображение с драматургией фильма?

сильственно выросшими из общественной жизни, из истории. В том, чтобы выставить эти работы, есть в конце концов выполнение не только художественного, но и нравственного долга. Не говоря уже о том, что сами по себе они удивительно интересны. Первая выставка, которую мы планируем, — персональная экспозиция Нины Коган, ученицы Малевича. Ее работ никто никогда не видел. Есть еще много достойных имен.

Беседу вел
Юрий АРПИШКИН

Ильская стр

рок, населяющих этот мир, страх за них, таких хрупких и воздушных. Одно грубое прикосновение — и исчезнут, растают сотканые из теней прекрасные пейзажи то ли реальной Италии, то ли сказочной Аркадии, убегут эльфы и феи, а клоуны повиснут на нитках, как пестрые тряпочки-марионетки, отыгравшие свой спектакль.

И невольно возникает одно преобладающее чувство: надо как-то защитить, сохранить и эту, столь далекую от современной грубой жестокости, маленькую страну, открывшуюся нашим глазам в залах академии, и ее создателя, так доверчиво распахнувшего нам двери в свои видения, свою душу...

Мария ЧЕГОДАЕВА

В одесском Доме кино

— Обязательно. Потому что на вооружении оператора и свет, и цвет. В зависимости от характера эпизода многое зависит именно от светового и цветового решения. От глубины кадра, от теней, ракурса. Если ты просто фиксируешь действие — это уже не искусство.

— Вы в какой-то степени Пигмалион. Создаете свою скульптуру, стоя за камерой, выявляя лучшее, интересное в актерах, как говорится, лепите образ. Влюблялись вы когда-нибудь в свою модель?

— Я влюблялся часто. Если в героиню, сами понимаете, — это одна ситуация. Ну а если серьезно и профессионально говорить, то безумно люблю снимать Янковского. Он классный, техничный актер, что в кино немаловажно. В нем есть пластика. У него даже спина выразительна. Я не люблю актеров, которые говорят, что их нужно снимать только слева или только снизу. Что может в такой ситуации сделать оператор? Ничего. И потом, в этом есть что-то неестественное и даже женское. И тогда я говорю: ты же

Грузинский художник Николай Игнатов в последние годы живет в Париже. Один из немногих мастеров фресковой росписи, теперь он занимается традиционной станковой живописью и графикой. От фрески, которую Игнатов любит больше других жанров, он вынужден был отказаться, разумеется, из-за